

поскольку необходимо учитывать и другие факторы, такие как наркотическое опьянение или влияние фармацевтических препаратов, которые также способны нарушать почерк и особенности письма.

Список использованной литературы

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 25 июня 2002 г., № 73-ФЗ : в ред. Федер. закона от 25.06.2002 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
2. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею : учеб. пособие / Е. Ф. Буринский. – М. : ЛексЭст, 2002. – 464 с.
3. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие / В. Ф. Орлова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – 160 с.
4. Томилин В. В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма : учеб. пособие / В. В. Томилин. – М. : Медицина, 1974. – 125 с.
5. Шкоропат Е. А. Особенности методики диагностического исследования рукописей, выполненных в алкогольном опьянении / Е. А. Шкоропат, Р. В. Бондаренко // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 3. – С. 232-236.

УДК 341.645

A. П. Грахоцкий

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ДИСКУССИЯХ НЕМЕЦКИХ ПРАВОВЕДОВ (1945–1949 ГОДЫ)

В материалах рассматривается полемика западногерманских правоведов по вопросу уголовного преследования нацистских преступников в первые послевоенные годы. В немецких научных кругах выделялись два подхода к данной проблеме: часть исследователей выступала за применение международно-правовых норм при отправлении правосудия в отношении бывших нацистов, большинство учёных-правоведов обосновывали правомерность использования германского уголовного законодательства.

После победы над нацистской Германией союзники по антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания и Франция) приступили к реализации политики денацификации страны. Эта политика имела 3 приоритетных направления: очищение государственного аппарата от нацистских функционеров; арест и интернирование сотрудников преступных структур Третьего рейха (СС, СА, СД, гестапо, полиция, генеральный штаб и др.); уголовное преследование лиц, причастных к совершению преступлений национал-социализма [1]. Именно на последнем аспекте и сосредотачивается внимание в данной статье.

В период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в Нюрнберге проходил Международный военный трибунал над 24 главными нацистскими преступниками. Устав трибунала, принятый на Лондонской конференции 8 августа 1945 г., устанавливал три категории преступлений: 1) против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны); 2) против человечности (убийства, истребление, порабощение, ссылка, преследование гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам); 3) военные преступления (убийства, истязания или увод в рабство гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью) [2].

В результате судебного разбирательства 12 представителей нацистской верхушки были приговорены к смертной казни, 3 человека получили пожизненное заключение, ещё 4 – тюремный срок от 10 до 20 лет, трое были оправданы. Однако основной целью Нюрнбергского трибунала было не просто наказание конкретных преступников, а легитимация системы нацистского государства. Нюрнбергский процесс закладывал основы всей послевоенной системы международного правосудия [3].

11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Международного военного трибунала. В 1950 г. Нюрнбергские принципы были изложены в специальном докладе Комиссии международного права и представлены Генеральной Ассамблее ООН. В документе содержались следующие принципы: 1) неотвратимости наказания физических лиц, совершивших международные преступления; 2) приоритета норм международного права: лица, совершившие деяния, признанные, согласно международному праву, преступлением, подлежат наказанию даже в том случае, если национальное законодательство не предусматривает ответственности за данное преступное деяние; 3) индивидуальной ответственности: занятие виновным лицом руководящего должностного положения в определённом государстве не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву; 4) неотвратимости наказания для лиц, действовавших во исполнение приказа своего правительства [4].

Устав Международного военного трибунала и вынесенный на процессе приговор стали основополагающими нормами для последующих судебных разбирательств, организованных союзниками по антигитлеровской коалиции в своих оккупационных зонах. 30 октября 1945 г. был издан Закон Контрольного совета № 4. Контрольный совет являлся органом верховной власти в оккупированной Германии. В его состав входили главнокомандующими вооружённых сил СССР, США, Великобритании и Франции. Согласно Закону № 4, немецким органам правосудия запрещалось рассматривать преступления, совершенные гитлеровцами по отношению к гражданам стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. Подобного рода уголовные дела разбирались исключительно трибуналами союзников [5, S. 35–36].

31 января 1946 г. вступил в действие Закон Контрольного совета № 10. Опираясь на положения Нюрнбергского трибунала, данный закон определял правовые основы уголовного преследования гитлеровских преступников во всех зонах оккупации и выделял следующие виды нацистских преступлений: против мира, против человечности, военные преступления, а также «принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом». Главнокомандующий соответствующей оккупационной зоны получал право создавать трибуналы для организации правосудия и определять процедуру их функционирования [6, S. 53–55].

Всего западные союзники привлекли к ответственности 5 133 нацистских преступника, 668 из них были приговорены к смерти. Пред военными трибуналами предстали сотрудники концентрационных лагерей Бухенвальд, Дахау, Фlossenбюрг, Маутхаузен, Дора-Миттельбау, Аушвиц, Берген-Бельзен, Нацвейлер-Штрутгоф и др. [7, S. 96–99].

Однако в ходе холодной войны по мере разрастания противоречий между СССР и странами Запада стремление союзников к наказанию гитлеровских преступников стремительно ослабевало. Так, по замыслу западных держав образованная в 1949 г. Федеративная Республика Германия должна была включиться в процесс противостояния военно-политических блоков, а вновь создаваемые вооружённые силы Германии были призваны усилить позиции коллективного Запада в ходе потенциального конфликта со странами социалистического лагеря. В таких условиях продолжение конфронтации с немецкими политическими элитами, в среде которых уголовное преследование нацистских преступников было крайне непопулярным, считалось «контрпродуктивным» [8].

В оккупационных зонах проходило постепенное расширение компетенции германских судов (1948–1950 гг.). В этой связи возник вопрос о том, каким правом должны были

руководствоваться немецкие суды при рассмотрении дел о нацистских преступлениях: уголовным кодексом Германии, который был принят ещё в 1871 г., или Законом Контрольного Совета № 10? В среде германских учёных-юристов и практиков преобладала точка зрения, что судьи были вправе самостоятельно определять, на основе какого законодательства им следовало рассматривать то или иное дело. Таким образом создавались предпосылки для того, чтобы избежать применения международных уголовно-правовых норм, квалифицировавших нацистские злодеяния, как преступления против мира и человечности. За редким исключением западногерманские судьи отдавали предпочтения нормам немецкого законодательства [9, S. 286–288].

В свою очередь, Закон Контрольного Совета № 10 был подвержен острой критики. Немецкие правоведы Э. Шмидт, Х. Фельдман, Г. Годенберг утверждали, что данный законодательный акт нарушал принцип запрета обратной силы закона: Закон Контрольного Совета № 10 содержал составы преступлений (против мира и человечности, военные преступления), которые не были известны германскому уголовному праву времён Третьего рейха [9, S. 290]. Так, Г. Гольденберг заключал, что игнорирование запрета обратной силы закона являлось обычной практикой для нацистского государства, допуская нарушение данного принципа, послевоенная Германия «уподоблялась» Третьему рейху [10].

Среди западногерманских правоведов были и противники подобных точек зрения. Немецкий философ права Г. Радбрух приводил следующие аргументы в защиту Закона Контрольного Совета № 10. Нормотворчество союзников не нарушало принцип обратной силы закона ввиду того, что оно устанавливало меру наказания за действия, которые в момент их совершения признавались приступными в соответствии с «надзаконным» (естественным) правом. Последнее призвано защищать права человека как высшее благо даже в том случае, когда позитивное право в реальности являлось «бесправием», противным основным принципам естественного права. Исходя из этого, в результате издания Закона Контрольного Совета № 10 нормы естественного («надзаконного») права приобрели форму позитивного права [11]. Позицию Г. Радбруха разделяли Ф. Бауэр и М. Гюде [12; 13].

Правоведы А. Виммер, Р. Гравесон, Г. Струксберг, Р. Ланге отмечали, что применение обратной силы закона в законодательных актах Контрольного совета представлялось допустимой и необходимой мерой в целях восстановления в Германии законности и правопорядка: наказание нацистских преступников, совершивших злодеяния, не охваченные действовавшим на тот момент уголовным законом, являлось долгом правового государства. Таким образом немецкое правосудие не нарушило основополагающие принципы права, а, наоборот, содействовало восстановлению справедливости и верховенства права [9, S. 292].

Немецкий исследователь Й. Перелс писал, что основной целью запрета обратной силы закона в правовом государстве являлась защита граждан от государственного произвола. Однако в случае рассмотрения преступлений, совершенных гитлеровским режимом, данный запрет выполнял противоположную функцию: являлся гарантом ненаказуемости нацистского произвола. Учёный пришёл к выводу, что нарушение запрета обратной силы закона содействовало предотвращению государственного насилия в отношении к гражданам и становлению правового государства в Германии [14].

В германской юридической литературе 1946–1950 гг. преобладали научные публикации, в которых высказывалась положительная оценка Закона Контрольного Совета № 10 и других законодательных инициатив союзников. Однако, по мнению М. Брошата, данный факт не являлся подтверждением того, что большинство немецких правоведов поддерживало применение Закона № 10. Учёный обращает внимание, что в неопубликованных докладах западногерманских правоведов, которые хранятся в фондах архивов ФРГ, абсолютно доминировала обратная точка зрения. Автор предполагает, что оккупационные администрации могли препятствовать опубликованию статей, где содержалась критика законодательства союзников [15].

Уже в 1951–1952 гг. немецкие суды фактически прекратили применение Закона Контрольного совета № 10. 26 мая 1952 г. ФРГ заключила с западными союзниками так

называемый «Общий договор», в котором провозглашались окончательная отмена оккупационного режима и восстановление суверенитета Западной Германии. 30 мая 1956 г. состоялась официальная отмена действия Закона Контрольного Совета № 10. все уголовные дела о нацистских преступлениях, находившиеся на тот момент на рассмотрении американских, британских и французских военных трибуналов, были переданы органам правосудия ФРГ [16, S. 18–24].

Таким образом, к началу 1950-х годов в правосудии Западной Германии сформировалась устойчивая практика, согласно которой суды рассматривали нацистские преступления исключительно в рамках немецкого законодательства. Юстиция ФРГ проигнорировала нормы Международного военного трибунала в Нюрнберге и основанные на положениях этого трибунала законодательные акты союзников. При рассмотрении дел нацистских преступников немецкие суды руководствовались положениями Уголовного кодекса Германии. В данном законодательном акте отсутствовали такие составы, как преступления против мира, человечности, геноцид. Исходя из этого, организованные государством, бюрократически спланированные массовые уничтожения мирных граждан на оккупированных территориях могли рассматриваться лишь как отдельные убийства.

Список использованной литературы

1. Лёзина, Е. Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы / Е. Лёзина // Вестник общественного мнения. – 2018. – № 3–4. – С. 192–206.
2. Баранова, М. В. Право Нюрнберга как результат опережающего нормативного обобщения опыта развития человечества / М. В. Баранова. – Нижний Новгород, 2016. – 95 с.
3. Седнев, Р. И. Становление международных уголовно-правовых норм и правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности военных преступников Второй мировой войны / Р. И. Седнев, Е. А. Шаталов Е. А. // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2. – С. 48–54.
4. Кравченко, К. М. Нюрнбергские принципы как основа международного уголовного правосудия / К. М. Кравченко // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 7. – С. 105–107.
5. Jasch H.-Ch., Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten : Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. / H.-Ch. Jasch, W. Kaiser. – Ditzingen: Reclam, 2017. – 263 S.
6. Weinke, A. Die Nürnberger Prozesse / A. Weinke. – München: Beck, 2006. – 128 S.
7. Rückerl, A. NS-Verbrechen vor Gericht: Versuch einer Vergangenheitsbewältigung / A. Rückerl. – Heidelberg: Müller, Jurist. Verl., 1984. – 343 S.
8. Frei, N. Vergangenheitspolitik: die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit / N. Frei. – München: Beck, 1996. – 464 S.
9. Laage, C. Die Auseinandersetzung um den Begriff des gesetzlichen Unrechts nach 1945 / C. Laage // Die juristische Aufarbeitung des Unrechts-Staats / Hg. T. Blanke, S. Baier. – Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 1998. – S. 265–297.
10. Hodenberg, H. Zur Anwendung des Kontrollratsgesetzes Nr. 10 durch deutsche Gerichte / H. Hodenberg // – Süddeutsche Juristenzeitung. – Jahrg. 2. Sondernummer: Humanitätsverbrechen und ihre Bestrafung. – März 1947. – S. 113–123.
11. Radbruch, G. Zur Diskussion über die Verbrechen gegen die Menschlichkeit / G. Radbruch // Süddeutsche Juristenzeitung. – Jahrg. 2. Sondernummer: Humanitätsverbrechen und ihre Bestrafung. – März 1947. – S. 131–136.
12. Bauer, F. Das „gesetzliche Unrecht“ des Nationalsozialismus und die deutsche Strafrechtspflege (1968) / F. Bauer // Bauer, F. Die Humanität der Rechtsordnung : ausgewählte Schriften / B. Fritz; Hg. J. Perels. – Frankfurt: Campus-Verl., 1998. – S. 53–59.
13. Güde, M. Die Anwendung des Kontrollratsgesetzes Nr. 10 durch die deutschen Gerichte / M. Güde // Deutsche Rechts-Zeitschrift. – 1947. – Heft 4. – S. 111–118.

14. Perels, J. Die Restauration der Rechtslehre nach 1945 / J. Perels // Kritische Justiz. – 1984. – Heft 4. – S. 359–379.

15. Broszat, M. Siegerjustiz oder Strafrechtliche „Selbstreinigung“. Aspekte der Vergangenheitsbewältigung der deutschen Justiz während der Besatzungszeit 1945 – 1949 / M. Broszat // Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte. – 1981. – Heft 4. – S. 477 – 544.

16. Freudiger, K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen / K. Freudiger. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. – 444 S.

УДК 340.14

A. В. Духновская

(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Российская Федерация)

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНУЮ ПРАКТИКУ

В материалах рассматривается внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в судебно-экспертную практику, анализируются основные технологии ИИ, такие как машинное обучение, нейронные сети и обработка естественного языка, а также их потенциал в улучшении качества судебных экспертиз. Особое внимание уделено этическим и правовым аспектам применения ИИ в судебной системе, а также существующим проблемам и вызовам, связанным с его интеграцией. В статье рассматриваются примеры успешного использования ИИ в судебной практике различных стран, а также перспективы его дальнейшего развития и внедрения в судебно-экспертную исследовательскую деятельность.

Современное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой важное достижение в области вычислительных систем и машинного обучения. ИИ можно понимать как область науки, направленную на создание систем, способных выполнять задачи, которые традиционно требуют человеческого интеллекта, такие как принятие решений, обработка информации и обучение. В судебно-экспертной практике ИИ может быть использован для анализа и обработки больших объемов данных, что открывает новые возможности для повышения качества экспертиз.

Существует несколько ключевых технологий, которые составляют основу современного ИИ. Одной из них является машинное обучение (ММ), которое включает алгоритмы, позволяющие системе «обучаться» на основе данных, выявляя скрытые закономерности и делая прогнозы. В судебной практике это может быть использовано для анализа текстов документов, выявления взаимосвязей в данных или прогнозирования исходов судебных дел.

Еще одной важной технологией является обработка естественного языка (ОНЯ), которая позволяет ИИ анализировать и понимать тексты, написанные на человеческом языке. В судебно-экспертной сфере это особенно важно для автоматического анализа документов, составленных на естественном языке, таких как показания свидетелей, отчеты экспертов и другие материалы.

Кроме того, одной из значимых технологий является нейронные сети, которые представляют собой модели, вдохновленные работой человеческого мозга. Нейронные сети эффективно решают задачи классификации, распознавания образов, обработки изображений и видео, что может быть полезно при экспертизе визуальных доказательств (например, фотографий, видеозаписей, сгенерированных изображений).

Использование ИИ в судебной практике поднимает важные вопросы, связанные с этическими и правовыми аспектами. Важно понимать, что принятие решений, основанных